

От тихого напева до крика до хрипоты.

От смеха до слёз, которые невозможно сдержать.

Человек может быть настолько сильным, чтобы принять огромную боль за несколько дней, но может потратить целый год, чтобы смириться с её уходом. Это не просто облегчение и ликование после, это страх, остаточное чувство тревоги. Тот день в музыкальном магазине, когда он смеялся и плакал, не был каким-то ритуалом завершения, а скорее началом чего-то нового.

Чжун Гуаньбай начал с упорством заниматься бессмысленными вещами, например, бесконечно называть имя Лу Цзаоцю.

Например, читать ему свои не слишком удачные стихи.

Или внезапно написать несколько нот с крайне смешными мелодиями, с серьёзным видом передать их Лу Цзаоцю и попросить сыграть с листа.

Или задать странную тему, например, «бедро», и попросить Лу Цзаоцю импровизировать на эту тему, что вызывало подозрения.

Или завязать Лу Цзаоцю глаза и провести смычком по струнам, спрашивая:

— Сколько герц?

При этом он записывал ответы на бумагу, называя это экзаменом по сольфеджио.

Абсолютный слух Лу Цзаоцю был вне сомнений, но, стоя у окна в белой рубашке с завязанными глазами и называя цифры, он выглядел настолько сдержанно и невинно, что казалось, его можно легко обидеть.

Экзаменатор Чжун Гуаньбай, заворожённо наблюдая за серьёзностью Лу Цзаоцю, смело постучал по столу и спросил:

— А это?

— М-м? — Лу Цзаоцю повернулся в сторону звука.

Чжун Гуаньбай нарочно сказал:

— Лу, ты ещё не ответил на мой вопрос, это экзамен...

— Ух! — его руки были схвачены и прижаты к столу.

Лу Цзаоцю снял повязку с глаз и надел её на Чжун Гуаньбая:

— Будем справедливы, теперь твоя очередь.

Лишённый зрения, Чжун Гуаньбай почувствовал, как его остальные чувства обострились. Длинные пальцы скользнули между его ног и проникли внутрь:

— М-м... что за очередь...

Трение пальцев о слизистую начало издавать звуки, от которых краснели щёки.

Низкий голос Лу Цзаоцю раздался сверху:

— Сколько герц?

Звуки становились всё громче, тело Чжун Гуаньбая дрожало от ушей до кончиков пальцев ног, его руки судорожно сжимали край стола, и он с трудом выдавил из себя:

— ...Лу... Цзаоцю...

— Отвечай. — другой рукой Лу Цзаоцю взял ручку, которой Чжун Гуаньбай записывал результаты.

— А... я не знаю... м-м...

Летнее солнце постепенно пробивалось в комнату, удлиняя тень стола.

На деревянном полу тёмная тень стола дрожала, ручка упала со стола и тоже отбросила длинную тень.

Влажный морской ветер ворвался в комнату, рассеивая душный воздух. Лист бумаги слетел со стола и медленно опустился, застряв под комодом у стены.

На следующее утро Чжун Гуаньбай, одетый только в обтягивающие плавки, развалился на крыше машины, вытянув длинные ноги, и позвал Лу Цзаоцю спуститься, сказав, что они пойдут плавать на рассвете.

Они не только собирались плавать, но и сделать всё, что раньше не делали вместе.

Поэтому, когда он и Лу Цзаоцю вернулись с плавания и получили звонок от Цзи Вэньтая, Чжун Гуаньбай, не испытывая особых угрызений совести, скрыл от декана факт, что Лу Цзаоцю

восстановил большую часть слуха, и по телефону пообещал заботливо ухаживать за хрупким Лу.

— Ты?

Всего одно слово, но каждый понял, что декан на самом деле имел в виду: «Ты? Серьёзно?»

Чжун Гуаньбай сделал вид, что не понял подтекста, и искренне ответил:

— Я.

В этот момент Цзи Вэньтай, держа в руках оформленную каллиграфию, шёл к дому Вэнь Юэаня:

— Вам нужно вернуться поскорее. Врачи в Китае больше разбираются в сложных случаях.

Он остановился у ворот.

— Не думай лишнего, я не хочу видеть вас... это ради Лао Вэня.

Чжун Гуаньбай:

— Учитель?

Цзи Вэньтай:

— Ему нехорошо.

Чжун Гуаньбай вздрогнул:

— Учитель заболел?

— Психическое состояние. — Цзи Вэньтай сделал ещё несколько шагов в сторону, чтобы Вэнь Юэань не услышал. — Лао Вэнь, он в молодости не был особо жизнерадостным, но сейчас... словно не хочет жить. В прошлый раз, когда я его навещал, он сказал: «Боюсь, что больше не увижу Абая.»

Цзи Вэньтай рассказал это с таким выражением, что Чжун Гуаньбай внезапно запаниковал и сказал, что сразу же забронирует билеты на обратный рейс.

Цзи Вэньтай кашлянул, заподозрив, что слишком драматизировал слова Вэнь Юэаня, и снова заговорил как глава семьи:

— ...Не так всё срочно, Чжун Гуаньбай, когда ты станешь более сдержанным? В любом случае,

вам лучше вернуться поскорее, что это за поведение, жить за границей.

Чжун Гуаньбай не мог успокоиться:

— Так как учитель на самом деле?

Цзи Вэньтай ещё не успел ответить, как из трубки донёлся очень тихий голос:

— Вэньтай.

Цзи Вэньтай обернулся и увидел Вэнь Юэаня, сидящего у ворот и смотрящего на него:

— Лао Вэнь, заходи, не стой на солнце. Я сейчас, просто звоню.

Кресло Вэнь Юэаня не двигалось:

— Я подожду.

— Лао Вэнь, ты всегда был таким порядочным, почему у тебя появилась привычка подслушивать? — Цзи Вэньтай смущённо сказал. — Заходи.

Вэнь Юэань спокойно посмотрел на телефон Цзи Вэньтая:

— Вэньтай, я сам разберусь, сдержан ли Абай.

Цзи Вэньтай стоял на месте какое-то время, затем, раздражённый, сказал в трубку:

— Твой учитель в порядке, он даже ругаться умеет.

И повесил трубку, но всё же послушно последовал за креслом Вэнь Юэаня, не забыв закрыть ворота.

— Куда вешать? — Цзи Вэньтай поставил оформленную каллиграфию перед Вэнь Юэанем. — Я повешу.

Вэнь Юэань сказал:

— На стену напротив фортепиано.

Цзи Вэньтай посмотрел:

— Лао Вэнь, там же уже висит одна, я её написал перед тем, как уехать учиться за границу, она такая хорошая.

Вэнь Юэань:

— Сними её.

Цзи Вэньтай был ошеломлён:

— Лао Вэнь, это неправильно, разве каллиграфия Чжун Гуаньбая заслуживает того, чтобы её повесили?

Вэнь Юэань кивнул:

— Повесь туда, она красивая.

Цзи Вэньтай с надеждой спросил:

— А моя?

Вэнь Юэань подумал:

— Убери в шкаф.

Цзи Вэньтай долго смотрел на Вэнь Юэаня, но тот оставался невозмутимым, спокойно ожидая действий. Он вздохнул, снял свою работу с надписью «Те, кто едины в духе, не считают горы и моря преградой» и повесил на её место бессмысленную каллиграфию Чжун Гуаньбая, затем взял свою работу и спросил:

— В какой шкаф?

Вэнь Юэань сказал:

— В кабинет.

Работа была немаленькой, Цзи Вэньтай открыл самую большую дверцу шкафа в кабинете и увидел ещё одну каллиграфию. Она была аккуратно обработана, но на бумаге внутри рамки всё ещё виднелись трещины и следы давно высохшей грязи.

На бумаге было написано два иероглифа:

Спокойствие сердца

Написанные с силой и энергией, но с юношеским порывом, всего два иероглифа, но они говорили о глубоком мастерстве.

А подпись была проста, всего шесть иероглифов:

Юйлоу, в середине осени года Бинъю

Цзи Вэньтай долго смотрел на это, пока не услышал голос Вэнь Юэаня, затем положил свою работу в шкаф, закрыл дверцу и спустился вниз.

— Лао Вэнь, — Цзи Вэньтай спускался по лестнице, — ты ко мне всё же добрее.

Вэнь Юэань позволил ему положить свою работу в один шкаф с той, что подписана «Юйлоу», что было редкостью и говорило об особом отношении. Но, сказав это, он немного задумался: Вэнь Юэань раньше не любил вспоминать о прошлом, и он не должен был так легко позволить ему увидеть ту каллиграфию.

Рука Вэнь Юэаня пробежала по клавишам фортепиано, сыграв первые ноты мелодии, звук был невероятно чистым и ясным. Он сыграл несколько тактов и остановился, спиной к Цзи Вэньтаю, словно невзначай спросив:

— Вэньтай, недавно какой-то ребёнок по фамилии Хэ дал сольный концерт?

Цзи Вэньтай сразу вспомнил Хэ Иньсюя:

— Да, мальчик с американским гражданством, выпускник Кёртисовского института музыки. Хотя он и китаец, но первый сольный концерт решил дать в Китае, это редкость.

Вэнь Юэань задумался:

— Американец... но в его речи нет акцента.

Цзи Вэньтай:

— Говорят, его отец вырос в Китае, родился в музыкальной семье, он даже старше тебя, из старой школы. Ты вспомни, как ты учил Чжун Гуаньбая в детстве, наверное, за границей они ещё строже относятся к образованию детей — Лао Вэнь!

Кресло с грохотом упало на пол, а зелёный халат не мог скрыть пустых штанов.

Цзи Вэньтай в ужасе бросился поднимать Вэнь Юэаня, проверяя, не поранился ли он:

— Лао Вэнь, что с тобой?

<http://bllate.org/book/15543/1382903>